

К Р О К О Д И Л

№ 34 ДЕКАБРЬ

МОСКВА 1937

В ЯПОНСКОМ ПОРТУ

Рис. Л. Бродаты

ЦАРЬ-ГОЛОД—Заладили эти солдатские жены: „На кого ты меня оставляешь? На кого меня оставляешь?“ А я что? Пусть не беспокоятся: я ими займусь.

В НАШЕЙ КВАРТИРЕ

Дуся Кирьякова, работница кондитерской фабрики, мармеладчица, живущая в нашей квартире, твердо решила проголосовать двенадцатого декабря первой.

Надо сказать, что Дуся все вообще делает первая, такая уж у нее натура.

Организовался у них на фабрике парашютный кружок — Дуся первая записалась, а потом и прыгнула первая. И на заем она подписывается первая, и на собраниях выступает первая, и на демонстрациях первая затягивает высоким звонким сопрано:

«Широка страна моя родная!..»

В нашей квартире у Дуси был один серьезный конкурент, Игнат Дубков, студент-физкультурник, знаменитый тем, что каждое утро, стелая и взвизгивая, обтирается в ванной с головы до ног снегом.

Он тоже говорил жильцам, что встанет раньше всех и проголосует первым.

Но Дуся применила военную хитрость. Вечером одиннадцатого декабря, когда студент уже собирался ложиться спать, она подслала к нему свою разведчицу, девочку Люську, дочь Анны Петровны, кассирши из «Бакалеи».

Люська выполнила поручение Дуси Кирьяковой на «отлично». Она попросила у студента для тети Дуси книжку, а вернувшись доложила заговорщицким шопотом:

— На без четверти шесть у него будильник поставлен, не сойти мне с этого места.

— Ты хорошо рассмотрела? — строго спросила Дуся Кирьякова.

— Не сойти мне с этого места, хорошо. Пока он за книжкой лазал, я, тетя Дусечка, все как есть разглядела.

Дуся Кирьякова поставила свой будильник на пять часов и уснула спокойно.

Будильник выполнял свою роль так же четко, как и кассиршина Люська. Ровно в пять часов он хлопотливо затрещал над ухом девушки. Но минут пятнадцать Дуся пронежилась под одеялом, борясь со сном, не сдававшим своих уютных позиций. Потом она разом вскочила с постели, накинула халатик и побежала умываться.

И вдруг ванная оказалась занятой. Знакомые зловещие стелания и повизгивания раздавались за дверью.

— Это вы, Игнат, — упавшим голосом спросила Дуся.

— Я!.. Ой, чорт, до чего холодно!.. Я, понимаете, на полчаса раньше... Ой, брр!.. своего будильника вскочил!..

Умываться пришлось на кухне. А потом надо было разгладить блузку, а потом некстати оторвалась пуговица, а потом минут пятнадцать ушло на прическу. Хорошо еще, что Игнат Дубков оказался рыцарем и согласился обождать Дусю, чтобы вместе пойти на выборы.

В общем в шесть часов десять минут утра мармеладчица и студент сбежали по лестнице и одновременно открыли парадную дверь на улицу.

Как раз в этот момент к подъезду дома подкатила разукрашенная красными лентами, словно украинская невеста, новенькая автомашинка и из нее вылезла Авдотья Никитична, пожилая ткачиха, вдова, также живущая в нашей квартире.

— Голосовать? — улыбаясь, с хитрецей спросила Авдотья Никитична молодых людей. — Ну, бегите! А я уже отголосовалась.

— Как уже? — испуганно сказал Дуся.

— Так. Я там с пяти утра дежурила. Раньше меня только дворник дома, где комиссия избирательная помещается, пришел. За два-то часа я его, конечно, уговорила оказать мне уважение, как пожилой женщине, первую пропустить. Пропустил — спасибо ему. Так первая и проголосовала.

...Дуся и студент вернулись после голосования радостные, возбужденные и вместе с тем серьезные. В квартире уже знали, как Авдотья Никитична их опередила, но над Дусей и Игнатом никто не подтрунивал. Может быть, потому, что квартиру уже занимало другое происшествие.

Люськина бабка, восьмидесятилетняя Елизавета Петровна, не пожелала ждать, пока за ней придет машина из избирательной комиссии, и ушла на выборы пешком.

Всей квартирой уговаривали ее не ходить, обождать машину, но бабка отказалась наотрез.

— А вдруг машина поломается? — говорила бабка.

— Другую дадут.

— А вдруг и другая поломается? А я буду ждать поджидать, да и пропущу все?! Нет уж я лучше своими ногами дойду.

Так и ушла «своими ногами». А через полчаса за ней приехала машина!..

Последним ходил голосовать у нас доктор Зисман, солидный, положительный, придиричивый человек. Он пошел после обеда. Вернувшись, доктор рассказывал:

— Откровенно говоря, я очень боялся, что будет толкучка и беспорядок. Это могло испортить праздник. Но все было просто замечательно. Меня лично у входа встретил пионер...

— Он всех встречал, доктор!..

— И очень мило предупредил, что голосование происходит на втором этаже. Всюду висят плакатики, стрелки, но на всякий случай еще поставили и пионера. Очень хорошо. Потом мне понравилось, что фамилии избирателей распределены по алфавиту. Вот тут, скажем, сидит буква «А», а рядом — буква «З».

— Значит, подали голос за Москвина и Булганина, доктор?

— Безусловно. Я начал клеивать конверт с бюллетенями тут же в комнате избирательной комиссии. А мне говорят: «Гражданин, здесь лучше этого не делать, пройдите в кабину». А я ответил: «Я своих политических симпатий не скрываю». Потом все-таки пошел в кабину: голосование должно быть тайным. И в кабине все было в полном порядке.

Вечером кассиршина Люська ходила из комнаты в комнату и, встряхивая тугой косичкой с новым голубым бантом, спрашивала, немножко стесняясь:

— Хотите, я вам прочту стихотворение про выборы?

Все отвечали:

— Хотим.

И Люська, подняв глаза к потолку, читала нараспев, то-неньким театральным, как ей казалось, голосом:

«Пусть наша земля молодеет,
Пусть радостью всходит заря.
Мы лучшее платье наденем
В двенадцатый день декабря».

МИХ. ДЕНИСОВ

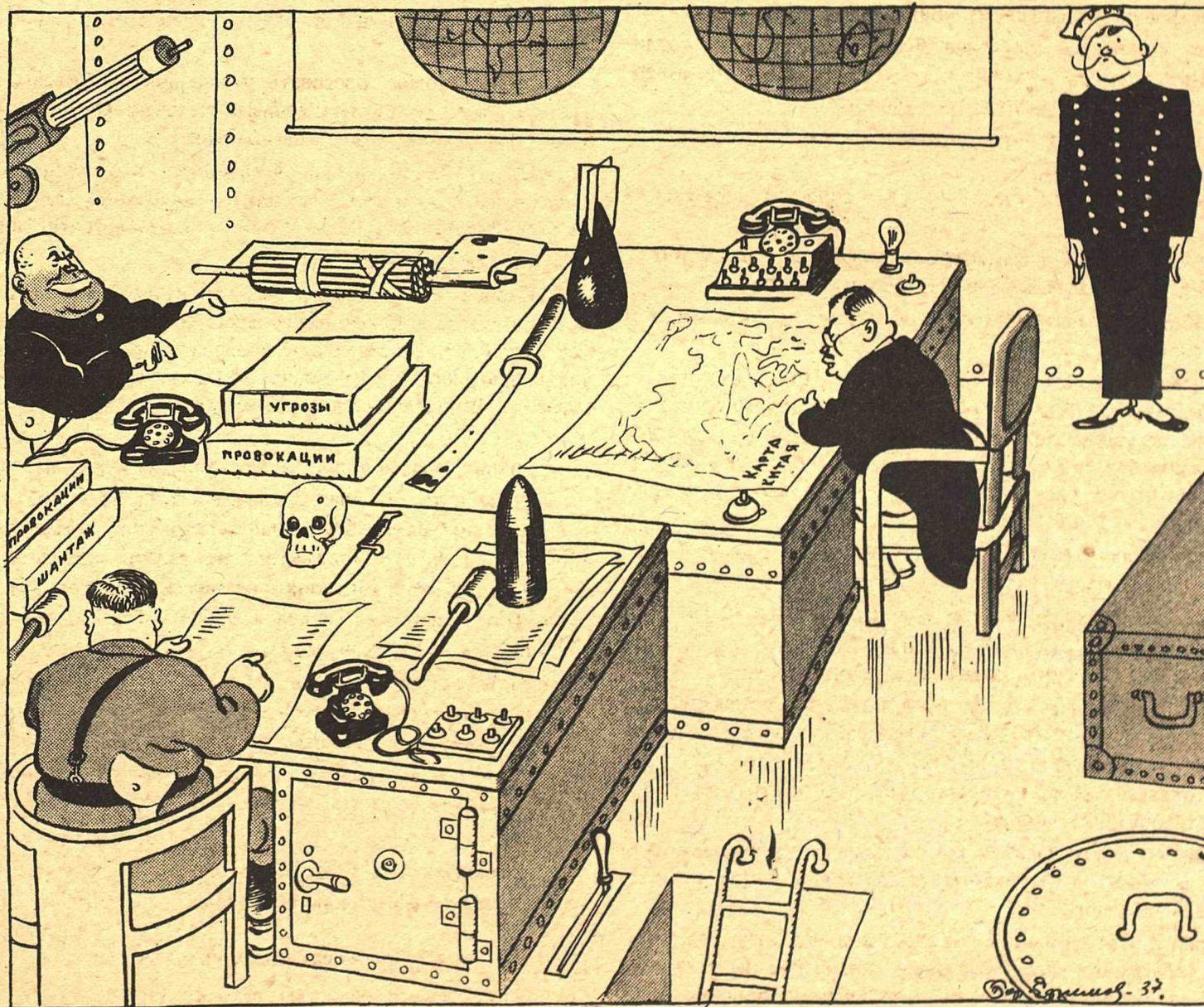
КУРИНАЯ СЛЕПОТА

Рис. Л. Бродаты

— Вот глупая курица! Не понимает, какой вкусный бульон из нее получится.

Рис. Бор. Ефимова

Шантажбюро с ограниченной ответственностью.
Главная контора в Берлине. Основные филиалы в Риме и Токио.

ЗВОНОК В МИЛИЦИЮ

Первая глава, из которой читателю ничего непонятно

Это было недавно, в выходной день. Первое, малоопытное зимнее утро встало над Оршей — робко падал снежок, легкий мороз неловко лепил сосульки у крыш. На улицах еще не проснувшегося города было тихо, спокойно.

Было тихо, спокойно и в оршанской милиции. Дежурный Коробов сидел за столом и от нечего делать зевал.

Зевнул раз. Зевнул два. У нас имеются все основания полагать, что дежурный по милиции хотел зевнуть и третий раз. Но это ему не удалось.

Помешал телефонный звонок. Он был властным, резким и настойчивым, этот неожиданный телефонный звонок. Дежурный даже вздрогнул. Вздрогнул, но обрадовался. Может, какое-нибудь происшествие? Все-таки не так скучно...

Дежурный Коробов взял трубку:

— У аппарата дежурный по милиции Коробов. Кто говорит? Есть! Слушаю, товарищ прокурор. Вам на квартиру? Вооруженного милиционера? Есть, прислать к вам на квартиру вооруженного милиционера. Немедленно будет исполнено, товарищ прокурор!

Дежурный с уважением повесил трубку на рычаг. И немедленно приступил к исполнению своих служебных обязанностей.

В отделении не было в наличии ни одного свободного милиционера. Коробов позвонил в казарму. Дневальный доложил Коробову, что в настоящую минуту в казарме имеется один милиционер Иван Закурдаев. Но милиционер Закурдаев спит крепким сном, так как только недавно вернулся с ночного дежурства.

— А боевой он парень, этот Закурдаев?

— Очень боевой, товарищ дежурный. Человек большой храбрости и отваги.

— Вот и хорошо. Разбудить!

Дневальный мигом разбудил спящего милиционера. Закурдаев сонный — и, извините, без сапог — подбежал к телефону. Дежурный прокричал в трубку:

— Бегом, товарищ Закурдаев, на квартиру прокурора. В полном вооружении!

— Есть, бегом, в полном вооружении, товарищ дежурный.

Милиционер Закурдаев быстро оделся, проверил оружие и, убедившись, что оно в полном порядке, пустился рысью к квартире прокурора.

Вторая глава, которая хотя многое и разъясняет читателю, но все же оставляет сомнения

Заглянем теперь на квартиру прокурора и посмотрим, что творится там в это первое зимнее утро.

Во всей Орше, как мы уже имели удовольствие докладывать читателю, было тихо и спокойно. Тревожно было только на квартире оршанского прокурора Г. И. Каганевича.

Выходной день. Прокурор после трудов праведных хотел отдохнуть, о чем-нибудь подумать и, быть может, даже помечтать.

Но думам и мечтам мешало потомство. Сие потомство в лице восьмилетнего сынишки Арика шумело, кричало, свистело.

Папаша в сердцах шлепнул потомство. Оно завизжало, закричало, заревело.

Папаша убеждал, умолял, кричал, приказывал, но буйный Арик не поддавался никакому воздействию. Мальчишка все более и более шумел, гудел, свистел, ревел.

Прокурор был в отчаянии. Что делать. Этакое безобразие! Во всем оршанском районе он, прокурор, пользуется авторитетом. Сколько взрослых, солидных людей — бородатых, уса-тых, бритых — подчиняются его распоряжениям! А какой-то молокосос, восьмилетний Арик, плевать хочет на все его распоряжения!..

Тут, как видно, домашними средствами — шлепками и прочими педагогическими ухищрениями — не поможешь. Надо применить административные меры.

Разъяренный прокурор бросается к телефону, срывает трубку и звонит в милицию:

— Прислать ко мне на квартиру вооруженного милиционера!

И вот милиционер Иван Закурдаев в полном вооружении, взволнованный предстоящей серьезной операцией, вбегает в квартиру прокурора:

— Товарищ прокурор! Согласно вашему приказанию, прибыл в ваше распоряжение!

— Очень хорошо! Надо немедленно арестовать одного бандита.

— Слушаю, товарищ прокурор!

— Он здесь у меня, в соседней комнате.

— Есть, — сказал милиционер, выхватил наган и бросился в соседнюю комнату.

Там, оседлав черный венский стул, сидел преступный Арик. Милиционер с недоумением остановился у порога.

— Вот он! — сказал прокурор, указав на испугавшегося мальчишку. — Берите его.

При этом папаша-прокурор хитро подмигнул милиционеру: дескать, это не серьезно, а так, для остротки и лучшего воспитания.

Иван Закурдаев понял. Он вложил наган обратно в кобуру и обратился к прокурору со следующей короткой речью:

— Разрешите доложить, товарищ прокурор, что в обязанности милиции не входит укрощение вашего строптивого сына!

Козырнул, повернулся и вышел...

Теперь читателю почти все ясно. Но у читателя, как и у автора этих строк, остается лишь одно сомнение:

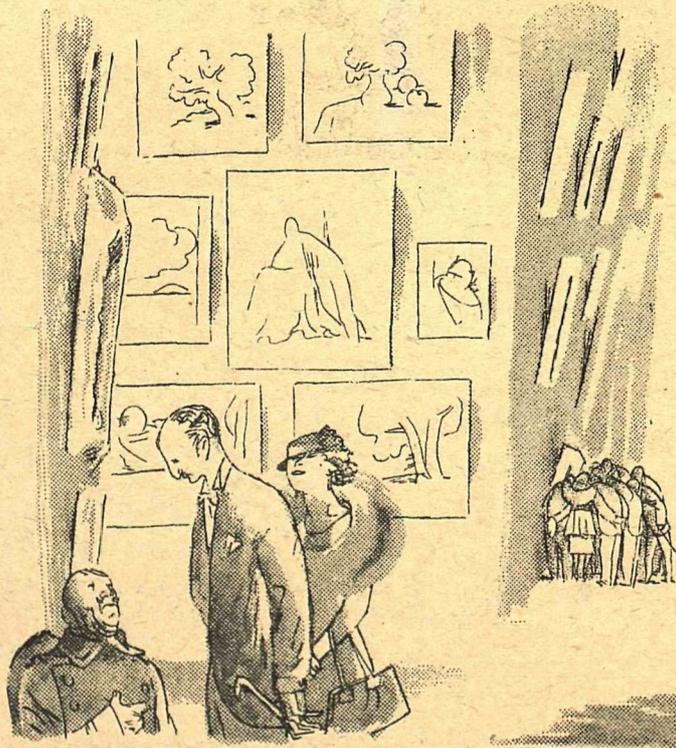
— В своем ли уме оршанский прокурор?

Орша БССР

Г. РЫКЛИН

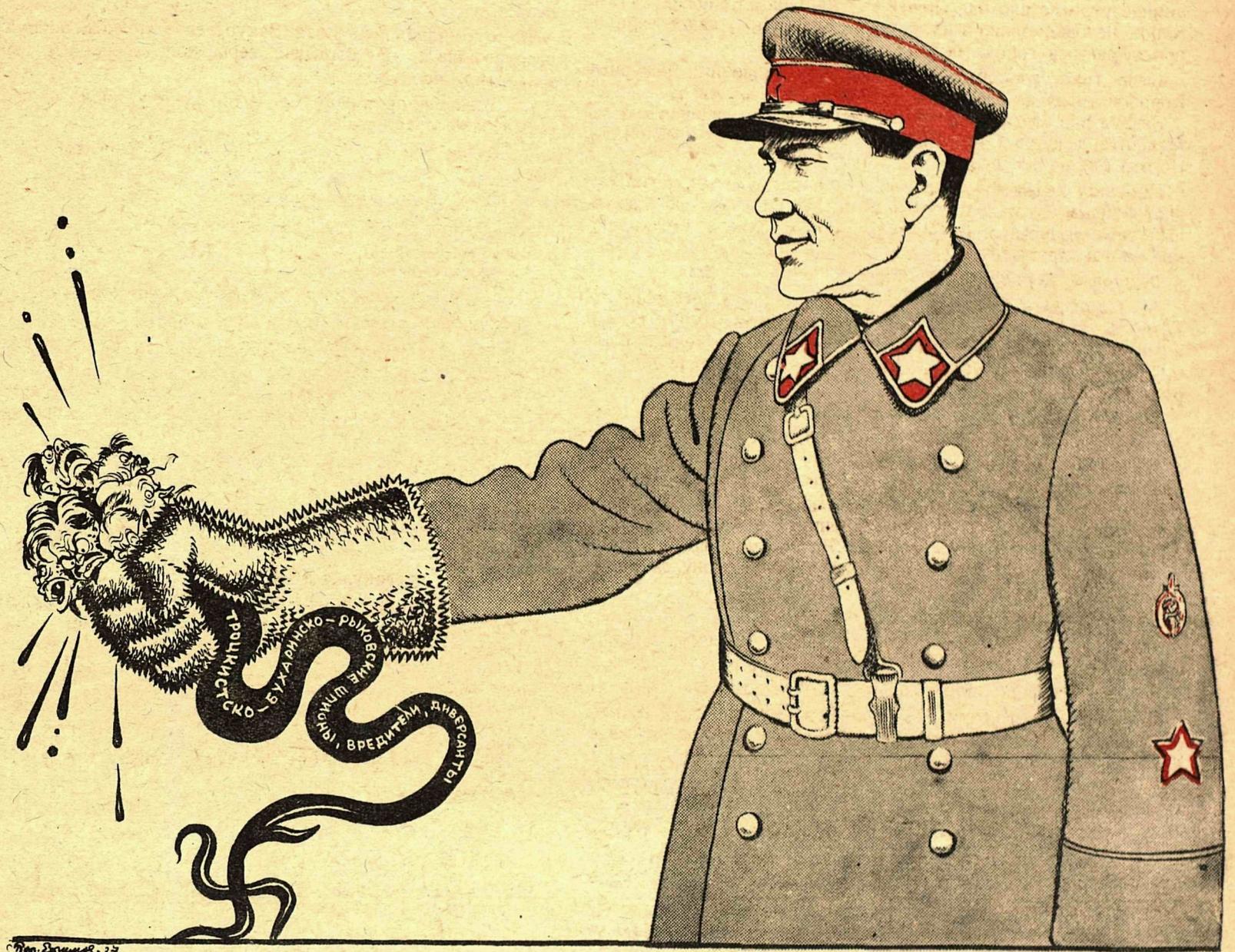
НА ЗАГРАНИЧНОЙ ВЫСТАВКЕ

Рис. Л. Сойфертиса

— Что это народ толпится у той картины?

— Еще бы не толпиться! Эта картина продана здесь, на выставке. Десять лет ничего подобного не было!..

СТАЛЬНЫЕ ЕЖОВЫ РУКАВИЦЫ

ДА ЗДРАВСТВУЮТ НАРКОМВНУДЕЛЬЦЫ—ВЕРНЫЕ СЫНЫ
НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕЖОВ!

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ТЕЛЕФОН

Жена заболевшего товарища сидела в местке. Председатель Мякиш скучающе выслушивал посетительницу и согласно кивал головой. Конечно, конечно, он согласен. Давно пора навестить Середкина.

— Понимаете,— говорила жена Середкина,— хотя бы только побеседовать с ним, и то он бодрее станет... Проявить хотя бы чуть-чуть чуткости!..

— Проявим, проявим,— сказал Мякиш и на послепослепослезавтрашнем листке календаря записал адрес Середкина.

Когда наступил этот день, Мякиш хмуро заметил секретарше:

— Беда это... Середкин живет на другом конце города. Езди туда, чтобы побеседовать, проявляй эту чуткость!..

— Для того чтобы беседовать, не надо ездить: ведь у Середкина телефон есть.

— Да что вы?!— радостно воскликнул Мякиш.— Да это замечательно! Чудный больной для проявления чуткости!.. Да что же это жинка его молчала, да я бы давно чуткость проявил.

Набрав номер, Мякиш снял трубку и бодро заговорил:

— Середкина можно?.. Уснул недавно? Ага, проснулся! Телефонный звонок разбудил? Отлично, отлично!.. Мякиш, Мякиш. Пусть он подойдет. Не встает еще? Ну, трубку как-нибудь поднесите... Здорово, Середкин!.. Ты что это разболелся?.. А мы уж тут о тебе думаем... Да, да, Мякиш... Спишь плохо? Ну, будешь на собрания ходить — поспишь... Ха-ха!..

Через пять минут, повесив трубку, Мякиш погладил ее:

— Чудный аппарат для проявления чуткости!..

БАБЫКИН И ГРИГ

Секретарь редакции заводской газеты вертел в руках фотографию и мямлил:

— Чорт его знает?.. Этот Бабыкин — наш лучший изобретатель. Вдруг не его карточка?.. Опять может конфуз с фото получиться. Напечатаем, вдруг надпись наврана, весь цех сбегится ругаться. Нина Филимоновна!.. Вы не знаете этого Бабыкина в лицо? Он или не он?

Машинистка смотрит на фотографию:

— Не в моем вкусе. Не люблю лобастых.

— Лобастых! — кричит секретарь и вырывает фотографию. — Я вас спрашиваю: он или не он?..

— Это вы должны активистов знать, а не я.

— А ну вас!.. А Васильев! Будь другом, скажи: это наш изобретатель или нет?

Председатель завкома долго смотрит на фото и говорит:

— Как будто он, а как будто нет... Верней всего, что он... Хотя твердо не знаю.

— Понимаешь, иногда подписи под фото путают.

— Да что вы мучаетесь,— говорит машинистка.— Вот как раз юбилей музыканта Грига. Пустите пока его, а для следующего номера насчет Бабыкина выясним.

— Ого! — радуется секретарь.— Это идея. Тут уж никто ругаться не придет.

Через день после выхода газеты в редакцию то и дело приходили возмущенные читатели.

— Безобразие! Салтыкова-Щедрина поместили портрет, а подписали: «Григ».

— Удивляюсь я вам,— говорил секретарь.— Стоит из-за Грига такой крик поднимать?

— То есть как это?! Некультурность какая!

Особенно возмущался один лобастый читатель. Секретарь, пригладевшись к нему, спросил:

— Извиняюсь... Вы не Бабыкин, наш знатный изобретатель?

— Я.

Секретарь всплеснул руками:

— Как две капли воды!.. Надо было поместить... А все вы, вы... И сердито косился на машинистку.

ПОДПИСИ НА СИГНАТУРКЕ

— Как фамилия?

— Фамилия обыкновенная, — ответил гражданин, ожидая выдачи лекарства, — Иванов.

— Как?

— И-в-а-н-о-в. Проще, кажется, и не придумаешь.

— Странно. Незаборчиво написано на рецепте. Что-то вроде Убаноб.

— Может, она по латыни прочитала и лекарство и заодно фамилию мою. Тогда выйдет вроде Убаноба.

— Маня! — окликнула выдающая лекарства. — Что ж вы на рецепте не переписали с докторского рецепта его подпись?

Маня в очках ответила:

— Незаборчиво доктор подписался. Нето Морозов, нето Горячев.

— Безобразие! — возмутился пациент. — Доктор неразборчиво подписался, в рецепте фамилию мою неразборчиво переписали. Ведь это так напугают, что и на тот свет угодить недолго!

— Сочувствую. И вместе с вами возмущаюсь, — сказала отпускающая, подписав на рецепте в графе «Проверил» свою фамилию.

Когда пациент посмотрел дома рецепт, то ахнул. Вместо фамилии проверяющей был отчеркнут какой-то неразборчивый значок, похожий нето на скрипичный ключ, нето на тифозную бактерию под микроскопом.

СТАРОЖИЛ

В парикмахерской «Гигиена» в выходной день большая очередь. Зеркала едва вмещают сидящих и стоящих кандидатов на стрижку и бритье.

— Ваша очередь? — спрашивает рыжебородый сосед слева.

Сосед говорит:

— Пожалуйста! Я не спешу, я уступлю вам...

Рыжебородый признательно улыбается и идет к креслу, спинка которого все еще горяча от затылка предыдущего клиента.

— Что это вы такую филантропию распустили? — удивляется один из ожидающих.

— Никакой филантропии нет, — отвечает уступивший очередь — Я уж знаю здешние порядки. У них после каждого десятого меняется простыня. Я бы вышел как раз десятым, ну лучше я подожду...

ФАКСИМИЛЕ

Жена писателя рассматривает юднотомник Гоголя. Дошла до желтой страницы — факсимиле.

— Ты знаешь, Шура, — говорит она мужу, — Гоголь неважно писал.

— Ну, нет, отчего ж, — снисходительно мычит писатель. — Были места ничего...

— Не в том дело. Почерк неважный. А главное же, опасно такие факсимиле вклеивать.

— Почему?

— Да, Сашок, если с тобой это сделать, ведь стыд будет. Ведь у тебя в рукописи столько ошибок бывает и против орфографии и против знаков препинания. Ведь и машинистка тебя исправляет и в редакции...

— Гмм... Знаешь что?.. Позвони-ка завтра в издательство... у них завалился оригинал моего романа, там много от руки...

В ГОСТЯХ У ПОТАПОВА

Этот юркий фотограф решил снять для печати семью знатного колхозника Потапова.

— Вот, вот, — суетился фотограф возле стола, — вы уж, мамаша, пожалуйста, накройте на столик. Обед соберите, яичек, маслица поставьте. Повыше!

— Да уж мы отобедали, — сказала было хозяйка.

— Ну что ж. Соберите уж еще раз. Чтоб избыток было на столе. Яички, маслице там.

— Я на эти яички, маслице глядеть не могу, — сказал Потапов, — особенно пообедав. Я за такой стол сяду, у меня скула на сторону свернется.

— Уж я не знаю, как же так? — суетился фотограф. — Колхозный стол — и вдруг пустой.

— Я уж и то гляжу, — усмехнулся Потапов, — вы на этих карточках из мужика корову сделали. Если колхозник, так обязательно ест. Что вы, ребята! Об еде я теперь меньше всего думаю. Уж к ней и вкус отбил.

— Что ж, — задумчиво сказал фотограф, — книжку вам в руки дать?

— А если так, — проговорил Потапов, — без масла снять, без книжек? Одни наши личности. Может, угадают, что и масло у этих личностей есть, и шуба новая, и книжки они читают...

На фотографа смотрел голубоглазый колхозник с крутым бритым подбородком.

— Я уж не знаю, — бормотал фотограф, — как же это без масла?..

— А иначе мы несогласные, — и мигнул жене, чтобы она и не думала накрывать на стол.

В. ТОБОЛЯКОВ

КОГДА ГУЛЯЕТ ВЕТЕР

Снег с карнизов ветром слизан,
Ветер мчится по карнизам.
Дети дома все сидят,
Детям мамы говорят:

«Безусловно, всем на свете
Нужно днем гулять, друзья.
Но когда гуляет ветер,
Маленьким гулять нельзя».

Дети спорить не хотят,
Молча в форточку глядят.

За окошком бьется ветка,
Даль туманна и проста.
И в густом дыханье ветра
Над Кремлем горит звезда.

Дети смотрят за карниз,
Очень хочется им вниз.

Интересно ведь. Ну, ветер, —
Он же зверя не лютей?
Есть же много ведь на свете
Ветер знающих людей.

Стать на цыпочки повыше —
Север, вон за тою крышей.

Океан лежит сам синий,
И метели там ревут,
И с метелями на льдине
Четверо друзей живут;

Машет вдаль, Большой земле,
Флаг точь в точь, как на Кремле...

Если ж, скажем, лечь на спину, —
То вверху, у звезд почти,
Перегнувшись из кабины,
Летчик смотрит сквозь очки.

Он летит, и видит он,
Как вдали встает циклон.

Оба равно непреклонны,
Не свернет никто назад;
Летчик прямо в нос циклону
Направляет аппарат.

(Потому что наш пилот,
Где прикажут, там пройдет.)

Дети смотрят: вся страна
Из окошка им видна.

Вдалеке огни горят —
Это море и Кронштадт.

На посту стоит матрос,
Вьются ленты вроде кос.

Луч луны ложится косо
На бушлат. Во тьме земля.
Звездочка над лбом матроса
И созвездия Кремля.

Дети в форточку глядят,
Спать ложиться не хотят.

За окошком ходит ветер.
Много их на белом свете,

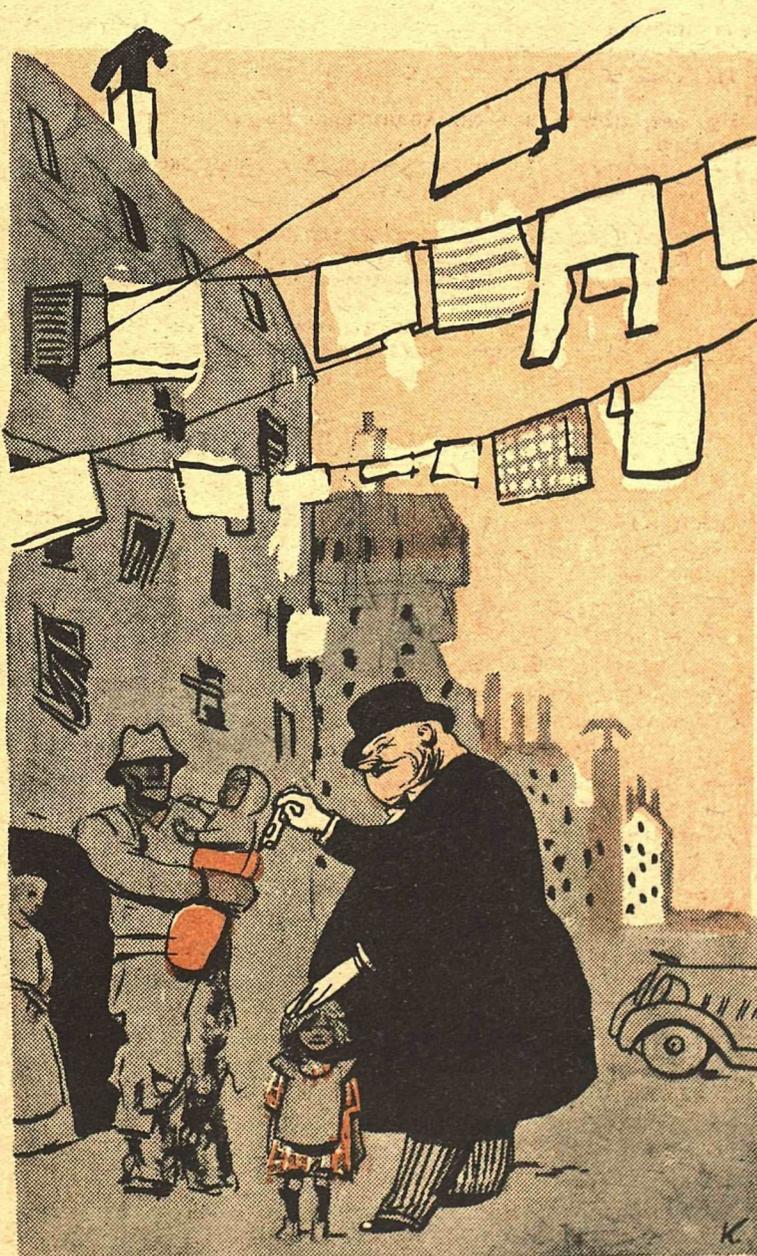
Ветры очень любят спорить,
Хоть привычка их странна,
Ветры дуют с гор и с моря,
На ветру лежит страна.

Потому и нужно ей
Очень крепких сыновей,
Чтобы их нигде, никак
Простудить не смог сквозняк...

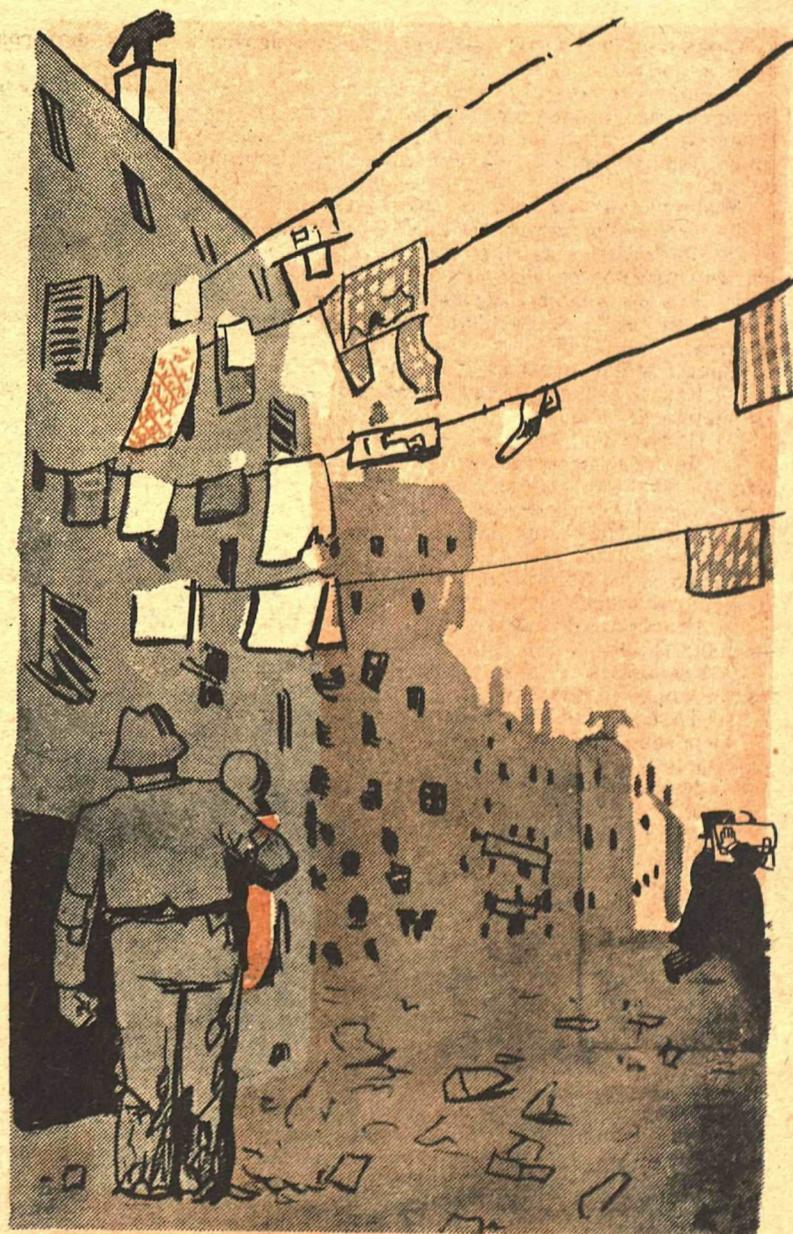
Г. ПОМЕРАНЦЕВ.

БЕЛЬГИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЙ

Рис. А. Каневского

До выборов в парламент он обходил дома,
где проживают его избиратели...

А после выборов он обходил даже квар-
талы, где проживают избиратели...

Рис. Л. Генча

— Не стучи понапрасну: во всей деревне никого нет. Сами по миру пошли...

В МОСКВЕ ДВЕНАДЦАТОГО

(ЗАРИСОВКИ)

ДЛЯ ИСТОРИИ

Ст. Бах, он же Степан Бахтюков, получил от редакции задание — побывать на избирательном участке и дать в газету беседу с голосовавшими избирателями.

— Знайте, что это материал для истории, — сказал Ст. Баху ответственный секретарь редакции.

Рано утром 12 декабря Ст. Бах отправился в свой избирательный участок. В двух уютно обставленных комнатах от-

дыха, в коридоре и на лестнице толпились люди. Это были те, которые уже проголосовали и, полные радости и воодушевления, не хотели уходить домой. Люди улыбались друг другу, как старые знакомые, и делились впечатлениями и воспоминаниями.

— Сперва побеседую, потом проголосую, — решил Ст. Бах и, нащупав в кармане пальто блокнот и карандаш, направился к улыбающемуся безусому юноше,

выходившему из избирательной комнаты.

«Восемнадцатилетний. Голосует в первый раз», — определил про себя Ст. Бах.

Юноша, увидев Ст. Баха, направился ему навстречу.

— Позвольте... — одновременно произнесли Ст. Бах и безусый юноша.

— Что позволить? — несколько удивленно спросил Ст. Бах.

— Позвольте побеседовать с вами о ваших впечатлениях, —

— Папа, можешь не оглядываться: я все равно от тебя не отстаю...

сказал юноша, вынимая тетрадь.

— В-вы тоже журналист? — разочарованно спросил Ст. Бах.

— Нет. Но мы, десятиклассники нашей школы, решили записать беседы с избирателями разных возрастов. Ведь такие выборы! Это же материал для истории!

Ст. Бах улыбнулся.

— Вот что, — сказал он. — Я еще не голосовал. И вообще интересуюсь тем же, что и вы. Мы с вами побеседуем через полчаса. А пока хватайте вон ту старушку, а я займусь тем старичком.

Старичок был в валенках, с ватой в ушах и с простыми очками, повязанными за ухо веревочкой. Он шел по направлению к Ст. Баху.

— Позвольте... — одновременно сказали Ст. Бах и старичок.

— Что позволить? — удивился еще раз Ст. Бах.

— Позвольте, милый мой, поговорить с вами о ваших впечатлениях. Только по стойте, я писать буду. Как ваша фамилия?

Ст. Бах весело рассмеялся:

— Писатель?

— Нет, милый. Я счетовод. Но, понимаете, такие выборы! Разве прежде были такие?! Вот я и решил со старухой, — и он указал на старуху, к которой подошел безусый юноша, — поговорить с разными людьми и записать все это. Внучкам в деревню пошлем. Для истории ведь!

Ст. Бах обнял старика и сказал:

— Вот что, папаша. Я сейчас пойду проголосую, потом мы здорово побеседуем. Сядьте вот здесь, обождите меня, пожалуйста.

К концу дня Ст. Бах записал пять хороших бесед. От него записали столько же.

УВАЖИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

В рыбном магазине перед телефонной будкой нервничало несколько человек. В будке говорила по телефону молодая женщина в меховом пальто и в модной шляпке с вуалью.

— Пять минут разговаривает, а полагается не больше трех, — раздраженно сказал паренек в поддевке.

— Любовные шуры-муры разводит, а ты жди, — проворчала женщина с сумкой.

Мужчина в лыжном костюме открыл дверцу телефонной будки, собираясь напомнить гражданке об истекшем времени. Из будки донеслись слова:

— Да, конечно. Рано утром. В семь. Витя разбудил, говорит:

опоздаешь, мама, бюллетеней не останется. Он тоже, да. Я его в детской комнате оставила. Нет, не плакал. Там ему весело было. Ах, замечательно! Такой порядок! И какая вежливость! Конечно, за! Как же вам не стыдно! Уже двенадцать. Идите немедленно голосовать. Потом позавтракаете.

Мужчина в лыжном костюме закрыл дверцу.

— Разговор, граждане, уважительный. Про выборы. Может, дадим договорить?

— Раз про выборы, пусть договаривает, — сказал паренек в поддевке.

— Обождем, чего там! — сказала женщина с сумкой.

А. ВАЙНЕРМАН

Детские места в трамвае, которые всегда заняты взрослыми.

Детские трамвайные места, которые, увы, совсем не занимают взрослых.

ЗАГАДКА

Чинная тетя из Наркомпроса пришла по делу к важному дяде из Гукфа.

Она села на кончик стула и сложила руки коробочкой.

— Чудесная погода стоит, — сдержанно заметила тетя.

— Как для кого, — уклончиво сказал дядя. — По-моему поддувает.

— Вы находите?! — оживилась тетя. — То-то я думаю, отчего у меня в правом боку колотье? Действительно, ветер суровый...

Помолчали. Потом тетя сказала:

— Между прочим, вы заметили, почти совсем нет детских фильмов?

— Неужели? — вздохнул дядя. — Кажется, и в самом деле нету.

— И не предвидится?

— Как сказать, — неопределенно пожал плечами дядя.

— Тогда я, кажется, немножко придумала! — восторженно воскликнула тетя. — Надо посоветоваться с самими детшками!

Она высунулась в окошко и крикнула:

— Девочка, а девочка, поди-ка сюда!

— Я не девочка. Я мальчик, — басовито ответили со двора.

— Извини, голубчик. Я близорукая. Мальчик вошел в комнату.

— Здравствуй, мальчик, — ласково

сказал дядя. — Сколько тебе лет?

— Это и так видно, — снисходительно улыбнулась тетя. — Лет двенадцать — тринадцать.

— Восемь мне лет, — пробасил мальчик. Чего надо?

— Милый мальчик, — развязно начала тетя. — Тебе, наверное, очень скучно. В кино идут преимущественно взрослые фильмы. Детям до шестнадцати лет вход на них воспрещен. Детских картин мало, и тебе приходится сидеть дома.

— Дома мне, положим, сидеть не приходится, — солидно сказал мальчик. — Но сказать — не соврать: скучновато.

— Так вот ты нам и объясни, что бы ты хотел видеть и чего не хотел бы и почему, — обстоятельно спросил дядя.

— Во-первых, — загнул палец мальчик, — не хотел бы я видеть таких картин, как «Чудесница». Тянут, мямлют и коров бьют. Слонявая картинка!

— Постой, детка, — прервала тетя. — Ведь на эту картину дети до шестнадцати лет...

Мальчик невежливо улыбнулся:

— Вы лучше, тетя, помолчите. Вы в этом деле не разбираетесь. О чем я? Да, «Однажды летом»... «Женитьба» еще картина. Прямо гадость! Рядом со мной

гражданка сидела. Она говорит: «Гоголь эту «Женитьбу» хорошо написал. А режиссер какой-то позавидовал Гоголю и назло взял и все изгадил». Еще «Заключенные». Вот это здорово: одна поножовщина!.. А последнюю я глядел «Петр I»...

Тетя пошла красными пятнами:

— Мальчик, на «Петра» дети до шестнадцати...

Мальчик строго посмотрел в ее сторону:

— Хорошая картина «Петр I»! Особенно, где война. Или уж вот! — глаза у него загорелись. — Вот «Чапаев»! Да только... — он смерил взглядом тетю и дядю, — не осилить вам, пожалуй.

— Послушай! — взмолилась тетя. — Как же ты все эти картины видел?! Кто же тебя на них пускал?

Мальчик пожал плечом:

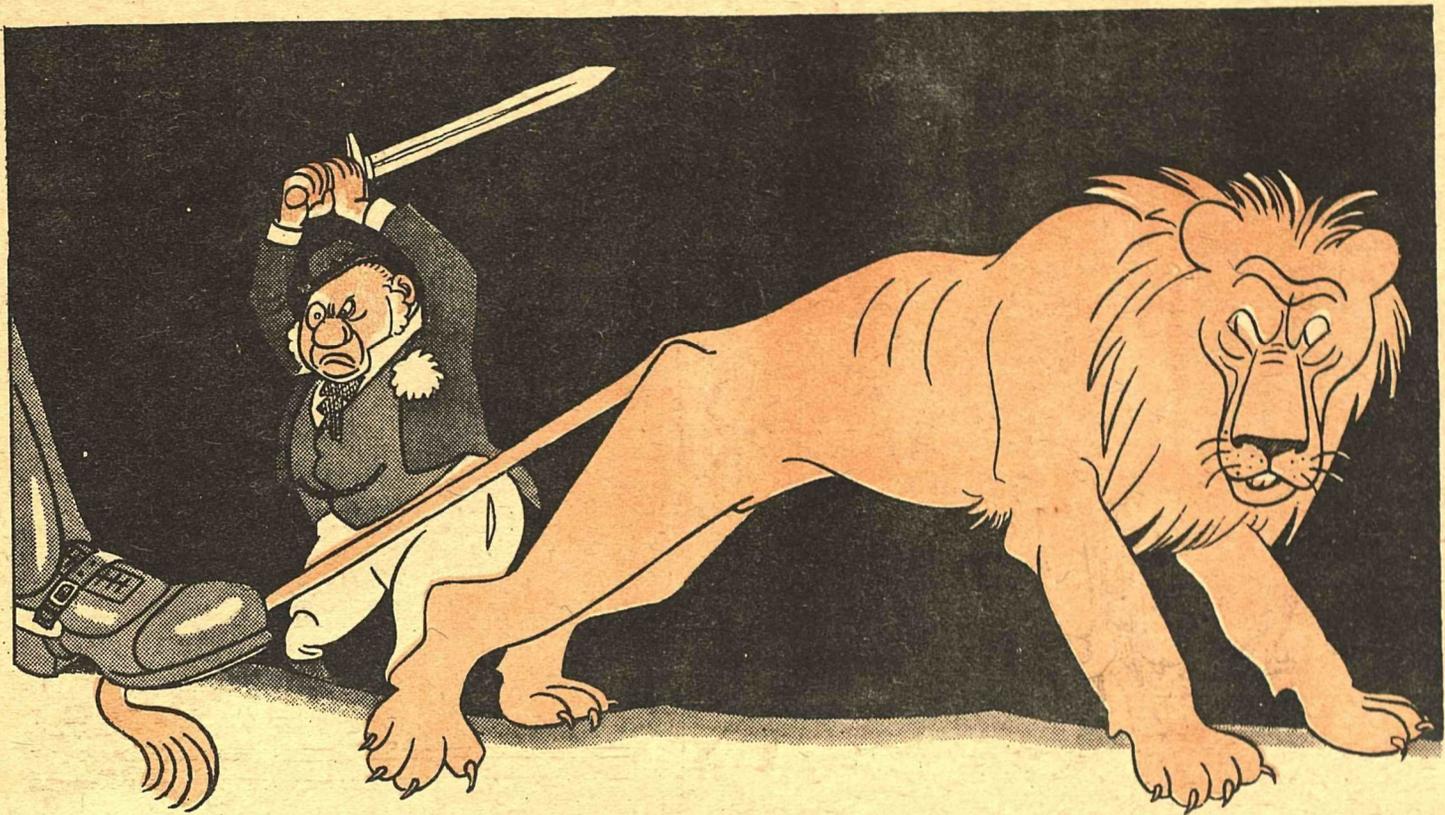
— Которые пускали, тетя, они, вроде вас, близорукие. И очки дома забыли. Пока!

Оставшись одни, тетя и дядя переглянулись. Руки их встретились, сплелись в горестном пожатье, и они прошептали:

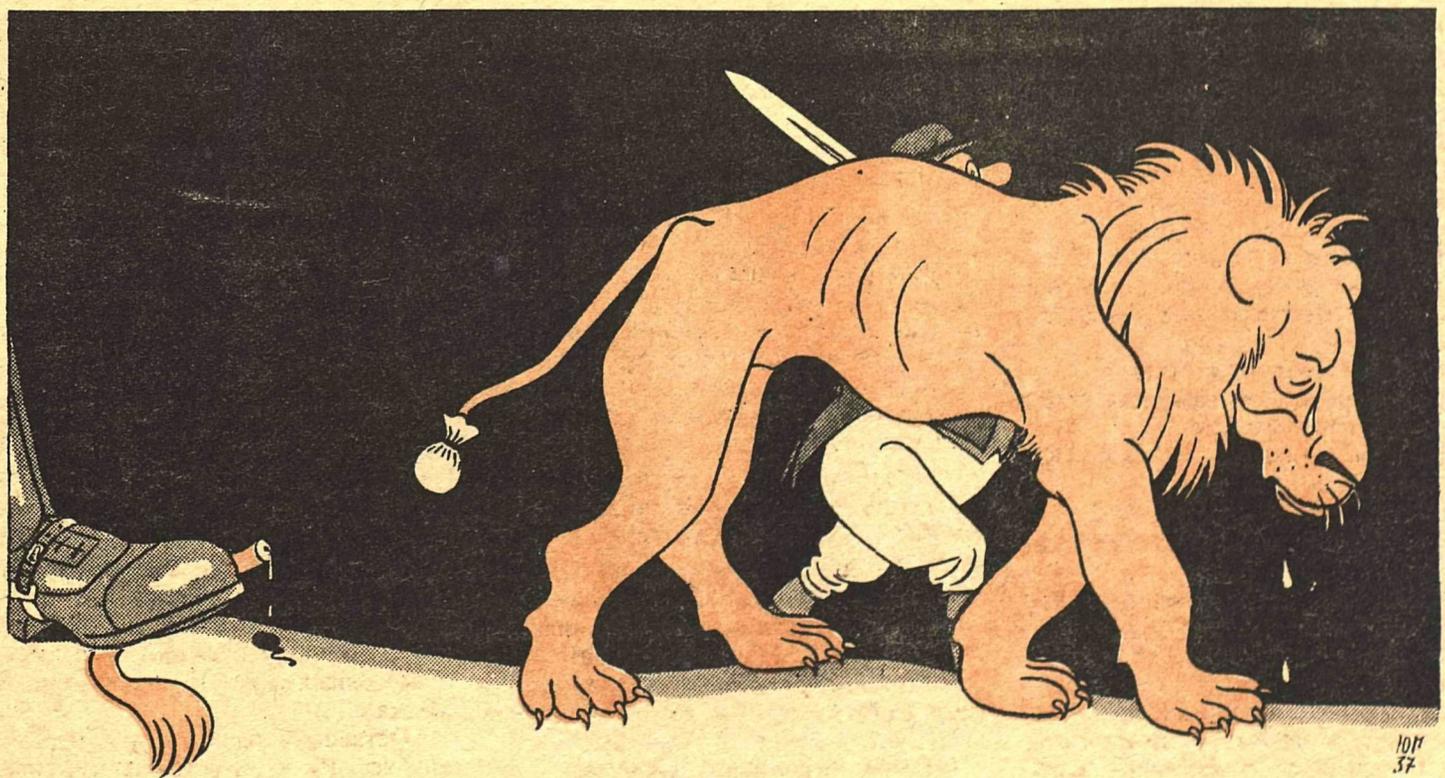
— Загадка! Нынешний ребенок — это настоящая загадка!

В. КАРБОВСКАЯ

Рис. Ю. Ганфа

ДЖОН БУЛЬ: — Безобразие! Придется немедленно принять решительные меры!

Меры приняты...

На вокзале Куличева, уезжавшего в Москву в командировку, провожали сослуживцы и жена Елена Сергеевна.

Сослуживцы хлопали тихого Куличева по плечу, давали разные советы и, не скрывая зависти, говорили:

— По ресторанчикам московским, небось, походишь, Куличище, а? Ох, напрасно вы его одного пускаете, Елена Сергеевна.

— Вы что, с ума сошли? — благородно возмущался Куличев. — Я свою поездочку использую на все сто процентов в другом смысле. Полную совершу культвылазку. В Художественный театр схожу — это раз; в Большой — это два; дом боярина XVIII века осмотрю — это три. Меня очень интересует дом боярина... А товарищу Шумевичу передайте, что смету я мигом протолкну, пусть не беспокоится...

Высокая полная Елена Сергеевна с застывшим выражением постоянного удивления на большом, как дыня, лице, строго наставляла мужа:

— Трико мне обязательно привези, 6-й размер. А Наташке ботинки номер 33. Запиши, а то забудешь.

— Тут и забывать нечего. Тебе трико 33 размер, Наташке ботинки номер 6.

— Как раз наоборот. Запиши, Павел, прошу тебя.

— Потом запишу... Ах, вот и второй звонок. До свиданья, Елена, целуй Наташку. Прощайте, братцы. Пока!

Приподнявшись на цыпочках, Куличев поцеловал жену в щеку, пожал руки товарищам и полез в вагон.

В купе Куличев снял пальто, устроил свой чемоданчик на верхнюю полку и с удовольствием закурил. Внимательный наблюдатель, несомненно, отметил бы поразительную перемену во всем внешнем облике Куличева, происшедшую за эти несколько минут, как только он остался один. Справедливость требует отметить, что такие перемены происходили с ним всегда, когда он уезжал в командировку.

На перроне прощался с женой и сослуживцами тихий человечек маленького роста в стандартном пальто и теплой шапке-ушанке, а здесь, в купе, лихо заложив ногу за ногу, сидел отчаянный прожигатель жизни, кутила и бреттер. Можно было подумать, что заблудшая душа какого-то гусарского ремонтера, слонявшаяся без дела целое столетие, вдруг овладела бранным телом командированного в столицу скромного периферийного служащего.

В поезде, однако, гусарская душа, вселившаяся в Куличева, вела себя довольно прилично. Лишь на каждой большой станции она властно посылала его в буфет пить противную теплую водку и закусывать осточертевшей колбасой. Душа берегла себя для Москвы.

...Пятый вечер своего пребывания в столице Куличев встречал в уютном ресторанчике «Неаполь», где-то на Зацепе. Опухший и мрачный, он сидел один за столиком, тупо смотрел на графинчик с водкой и зеленоватую тоскливую те-

шку на тарелочке и силился вспомнить, как и где провел он вчерашнюю ночь.

В голове гудело, как в телеграфном столбе на ветру, и вспомнить удалось лишь отдельные красочные детали: страшные, разъятые пасти цыган из хора, ссору с официантом из-за счета и некрасивую попытку протанцевать лезгинку сою и с вилкой в руках вместо кинжала.

«Плохо! — подумал Куличев в порыве раскаяния. — Надо все-таки сходить куда-нибудь в театр. В сущности, я, кроме бара № 1 и ресторана «Ливорно», ничего не успел толком осмотреть в Москве. Ни одной приличной культвылазки. Плохо, плохо! Денег почти не осталось, придется на дорогу просить в главке».

Служащий выпил рюмку водки, понюхал зеленую тешку, поморщился, оглянулся и вдруг увидел в углу, за столиком, брюнетку сказочной красоты в яркочерном джемпере. Она лениво цедила нарзан и, заметив любопытный взгляд Куличева, чуть улыбнулась, опустив длинные накрашенные ресницы.

С новой силой в хилом теле Куличева затрепетала его временная гусарская душа. Он поднял свою рюмочку и сделал ей такое движение, будто чокается со стаканчиком прекрасной незнакомки. Та улыбнулась совсем откровенно. Тогда Куличев храбро поднялся, подошел к красавице в красном джемпере и, шаркнув ножкой, представился:

— Куличев, приезжий. Разрешите с вами посидеть, поболтать.

— Пожалуйста, — грудным контраalto ответила незнакомка. — Меня зовут Тамара Павловна.

Посидели, поговорили. Выяснилось, что Тамара Павловна — артистка из Большого театра и легко может устроить Куличеву контрамарку. Для этого нужно лишь заехать на минуточку к ее подруге, артистке из Малого театра, а потом уж катить прямо в Большой.

Так и сделали. Взяли такси и поехали к подруге. Ехать к артистке Малого театра с пустыми руками Куличеву показалось неудобным, и на всякий случай буфетчик ресторана запаковал для него две бутылки водки и три порции отбивных котлет.

Нина Сигизмундовна, артистка Малого театра, маленькая блондинка со сплошь золотыми зубами, оказалась на редкость гостеприимной женщиной и ни за что не захотела отпустить от себя Куличева и Тамару Павловну.

— В театр пойдете завтра, а сегодня надо выпить по случаю знакомства, — решительно сказала драматическая артистка.

Стали пить водку и есть привезенные Куличевым остывшие отбивные котлеты. Артистки пили водку стаканами, как воду, не морщась, чем слегка удивили нашего «гусара». Потом пришел какой-то армянин в синей блузе и высоких сапогах, которого артистки звали «дядя Степа» и стало совсем весело.

Куличев пил с армянином на брудер-

шафт, просил Тамару Павловну спеть и уверял, что он тоже не чужд искусству.

— В порядке самодеятельности, — сказал он, — я иногда танцую наурскую лезгинку.

— Вот вы нам и станцуйте, — сказала красавица в красном джемпере, — а придете завтра к нам в театр, услышите, как я буду петь.

Пришлось сплясать лезгинку. Потом «дядя Степа» вдруг захотел рассказать Куличеву нечто чрезвычайно секретное и важное и повел его куда-то на двор.

Очнулся Куличев уже в милиции, несчастный, трезвый и почему-то в одном белье. Ни бумажника, ни портфеля с ним не было.

— Гражданин дежурный, — щелкая зубами и поджимая ноги в дырявых носках, говорил Куличев, — их же очень легко найти. Они же артистки. Одна из Большого театра, другая из Малого. Боже ж ты мой, какая неприятность!

— Они такие же артистки, как вы богдыхан, — сказал дежурный. — Давайте, гражданин, не будем елозить по протоколу: вы мешате мне писать.

В отделении Куличеву выдали старые милицейские галифе с синим кантом дойти до гостиницы и отпустили с миром.

А через три дня его вызвали в уголовный розыск и вернули ему его вещи и даже документы. Только деньги пропали. Судьба улыбалась Куличеву. Он восторженно поблагодарил сотрудника розыска за хорошую работу и, не помня себя от счастья, на крыльях вылетел на улицу. В тот же вечер он уехал.

Но теперь в том же самом поезде возвращался вспять уже не гусарский ремонтер, прожигатель жизни и бреттер. Гусарская душа покинула свой временный приют, как только поезд дальнего следования отошел от перрона Курского вокзала. В купе сидел маленького роста, приятный, скромный человек с рожим портфелем и в теплой шапке-ушанке.

— Ну как тебе с'ездилось? — спросила Елена Сергеевна, когда Куличев, умывшись после дороги, сел за домашний стол.

— Прекрасно! — бодро сказал Куличев. — Между прочим, Леночка, я в Москве познакомился с интереснейшими людьми — артистами Большого театра. Вместе с ними я совершил чудную культвылазку!

— Читали! — зловеще молвила Елена Сергеевна. — Читали про вашу культвылазку, Павел Николаевич.

И, бросив в лицо мужа смятый номер «Известий», она зарыдала басом и вышла из комнаты.

Куличев подобрал газету и сразу же увидел отчеркнутую красным карандашом заметку в отделе происшествий под неприятным названием «Похождения командировочного».

Куличев застонал и схватился за голову.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ТРУДНОЕ ИСКУССТВО ПОДХАЛИМАЖА

Рис. А. Каневского

— Вы меня извините, Сидор Николаевич, за мою критику на производственном совещании. Поймите, без этого мне было бы неудобно выругать Степанова за его полное непонимание вашего исключительного значения для нашего учреждения.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Недавно я обратился к заместителю секретаря Муромского райкома ВЛКСМ Румянцеву с просьбой помочь мне вступить в союз безбожников. Румянцев благосклонно отнесся к моей просьбе и направил меня к столяру артели «Красный бытовщик» тов. Кузнецову, который якобы руководит безбожной работой в районе. Кузнецов, в свою очередь, чутко отнесся к моему желанию. Но оформить меня членом союза безбожников отказался ввиду отсутствия такой организации в районе. Как гробовщик

тов. Кузнецов любезно предложил вне очереди сделать мне гроб. Но я человек молодой и о гробе для своей персоны надеюсь подумать этак лет через пятьдесят. По совести говоря, я никогда не думал, что работу районного союза безбожников можно гробить в таком буквальном смысле этого слова, как это делают у нас в Муроме.

Красноармеец ИГНАТОВ
Город Муром,
Горьковской области.

Дорогой Крокодил!

Директор громовской средней школы, Соседского рай-

она, Тамбовской области, С. Н. Кондрашов беспощадно борется с учениками, приносящими в школу семечки. Как человек непреклонный и высоко принципиальный, он пошел по пути наиболее решительных и исчерпывающих мер. Справедливо учитывая тот бесспорный факт, что семечки приносятся в карманах, он решил ударить по этому традиционному элементу одежды, во исполнение чего 20 октября, в торжественной обстановке, при огромном стечении публики, отрезал карман у закоренелого семечконосца ученика Максакова.

Этот карман по сей день на ходится на видном месте в учительской. Там же находится и С. Н. Кондрашов, который не может налюбоваться вдоволь на сей педагогический трофей.

Будучи глубоко убеждена в исключительной оригинальности воспитательных принципов, впервые примененных С. Н. Кондрашовым, считаю необходимым всемерно популяризировать их на страницах Крокодила.

С. ГОРЮНОВА

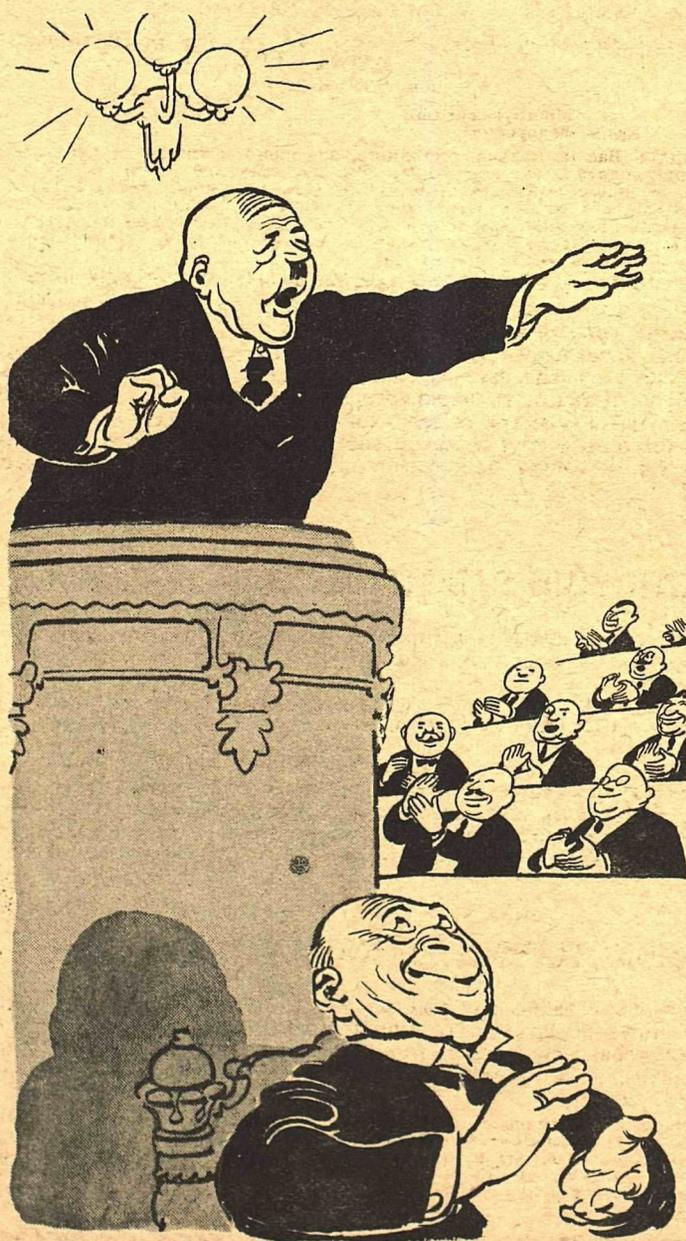
Город Соседка,
Тамбовской области.

ВЫБОРЫ В АМЕРИКЕ

Рис. К. Ротова

Здесь он покупал голоса избирателей...

Зато здесь он продавал интересы избирателей.

С ПОЗВОЛЕНИЯ СКАЗАТЬ — ШЕФ

В своей замечательной корреспонденции, помещенной в «Правде» от 16 декабря, депутат Верховного Совета СССР радист дрейфующей станции «Северный полюс» Эрнст Кренкель писал:

«Луна — это бесплатное и притом довольно хорошее освещение: она светит куда лучше чем наши фонари «летучая мышь». Кстати, эти фонари такого низкого качества, что мы решили один из них привезти обратно на материк, чтобы пристыдить директора завода, производящего эту пакостную продукцию».

Крокодил, не щадя затрат, выяснил, на каком заводе были изготовлены эти злосчастные «летучие мыши» столь пакостного качества. Их сделали на заводе № 3 Ленштампа. Изготовлены они были по специальному заказу тов. Папанина, просившего директора взять на себя шефство над выполнением этого исключительно важного заказа. Цену обещаниям и шефству директора завода № 3 Ленштампа можно видеть из корреспонденции тов. Кренкеля. Все его уверения — обычный бюрократический безответственный штамп.

КОЛЛЕКТИВ ЗДЕСЬ НЕ ПРИ ЧЕМ

Нет, нет, да и высказывает где-нибудь из канцелярских глубин на поверхность классический образец холуйства. В Сухуми инициатором такого малопочтенного занятия явился председатель месткома Третьего колхозного государственного цирка по фамилии Харт. Снедаемый более или менее лицемерной преданностью к своему начальнику, директору цирка Слуцкому, сей районный Златоуст заказал в срочном порядке в типографии газеты «Советская Абхазия» торжественный адрес упомянутому Слуцкому.

Вот содержание этого дурно пахнущего документа:

«ДИРЕКТОРУ ТРЕТЬЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОЛХОЗНОГО ЦИРКА

тов. СЛУЦКОМУ!

Многоуважаемый
Ефим Федорович!

Видя в Вас не только достойного, знающего искусство и преданного делу руководителя вверенного Вам Третьего государственного колхозного цирка, но и внимательного и весьма чуткого товарища, местный комитет от имени всего нашего коллектива поздравляет Вас с XX годовщиной Великой Октябрьской революции и желает Вам дальнейших успехов в деле развития циркового искусства и максимального внедрения циркового искусства в колхозные массы.

КОЛЛЕКТИВ ТРЕТЬЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОЛХОЗНОГО ЦИРКА.

Конечно, коллектив здесь не при чем. А «при чем» холуйский темперамент гражданина Харта.

Мы не возражаем против дальнейшего использования Харта в цирке, но не в качестве председателя месткома, а в составе какого-нибудь эффектного циркового номера. Например: «резинный человек», «человек-змея». А если хорошенько подучить его, то ему цены не было бы в труппе дрессированных лошадей. Ездить на нем в цирке уже и сейчас можно, как видно из вышецитируемого документа.

ЕСТЬ ЕЩЕ РАБОТЕНКА ДЛЯ ЛИКБЕЗА

Руководство Тагильской городской пожарной охраны разослало 25 ноября своим подведомственным организациям нижеследующее приглашение:

«26.XI. к 4 часам вечера прозба явится в Управ. Пожарной охраны НКВД. На обща городская совещание. Пож. работников.

Нач. Гор. УПО Полуников,
Инспектор Гор. УПО Семенов».

Не знаем, чем должна была заниматься «обща городская совещание». Если вопросами ликвидации неграмотности среди работников городского управления пожарной охраны, то совещание это было создано более чем своевременно.

ДВУСТОРОННЯЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Встречаются такие письменные характеристики, которые дают представление не столько о характеризуемой личности, сколько о личности характеризующей. Вот, например, исполняющий обязанности председателя Кустанайского облисполкома Карасаев составил такой документик:

«Выдана настоящая характеристика проводнику прямого вагона Алма-Ата — Кустанай № 347101, сопровождающему семью исполняющего обязанности председателя Кустанайского облисполкома тов. Карасаева со станции Алма-Ата до станции Кустанай тов. Новоселову Константину Григорьевичу в том, что тов. Новоселов как проводник всю дорогу

добросовестно выполнял свои обязанности. Вагой отоплялся и убирался своевременно, с членами семьи тов. Новоселов обращался обходительно и помогал им в обеспечении всего необходимого в пути следования.

Настоящая характеристика выдана для представления в управление железной дороги Турксиба.

И. О. председателя Кустанайского Обл. Исполкома Х. Карасаев.
Зав. общим отделом Кустанайского Обл. Исполкома Н. Жамалетдинов».

Поскольку этот документ характеризует не столько проводника Новоселова, сколько и о. председателя Кустанайского облисполкома Карасаева, управление Турксиба переслало его в Крокодил. И правильно поступило.

ЕЩЕ ОДНА ХАРАКТЕРИСТИКА

19 ноября с. г. отдел кадров Научно-исследовательского института № 6 оборонной промышленности прислал отделу кадров завода «Динамо» имени Кироза следующую характеристику одного своего бывшего сотрудника:

«... К своим служебным обязанностям относился добросовестно, имел два выговора: один из них 28 сентября 1937 г. за халатное отношение к работе.

За начальника отдела кадров (подпись неразборчива)».

Спрашивается: а) до какого количества выговоров работа того или иного сотрудника считается «добросовестной», и б) не относятся ли в отделе кадров НИИ № 6 халатно к своей работе, давая такие характеристики?

ЕРМОЛАЕВСКАЯ АГИТАЦИЯ

10 декабря читатели кировоградской (Свердловская область) газеты «Кировоградский рабочий» увидели на ее страницах, непосредственно над подписью ее ответственного редактора А. Н. Ермолаева, воспроизводимый нами ребус.

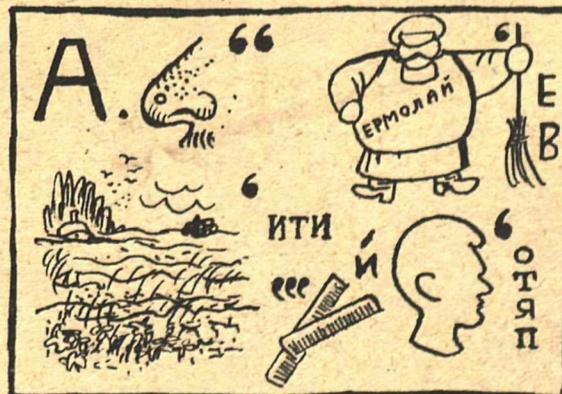

Фамилия товарища-а репирища р. бус. бурут опубликованы в газети

Отв. редактор А. Н. ЕРМОЛАЕВ

По ближайшем изучении, ко всеобщему удивлению, оказалось, что он читается приблизительно так: «Голосуйте за тов. Черных. Лучшего, более тактичного, более советского способа агитировать за кандидата в Верховный Совет Союза ССР Героя Советского союза Черных Ермолаев никак не мог, очевидно, придумать».

Со своей стороны, вместо развернутой критики недостойного способа агитации, примененного «Кировоградским рабочим», считая своим долгом ответить ребусом же:

Для не умеющих решать ребусы сообщаем его расшифровку: «А. Н. Ермолаев — политический головопая».

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-32-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 1169

Слача текста и рисунков 14/ХП—37 г.

Подп. к печати 21 XII—37 г. Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б—31751. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2619. Тираж 275 000 экз.

НА СОВЕТСКОЙ ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ

Рис. М. Черных

ОБЩЕСТ. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
27 DEC 1937
Воск. Нр. Палат. Получены

Персонажи старых опер (действующим лицам новых советских опер):—А мы вас ждали, ждали...